

Сумерки русской социаль-демократіи. *)

I.

Мучительно и долго будет путь возрождения Россіи. После того, как будут преодолены факты, останется еще огромная работа преодоления идей и иллюзий. Вопреки Писареву именно иллюзии остаются, а гибнут как раз факты. Понять это можно в свете той истины, какую высказал Шиллер: легко укладываются в голову мысли, но резко сталкиваются в пространстве вещи. Поэтому-то «вещи», факты, явления в результате столкновения гибнут, а иллюзии, «мысли», с этими погибшими вещами связанные, остаются, продолжают пребывать в «голове», могущей, несмотря на свой малый размер, вместить бездны самых разительных противоречий.

В пространстве резко сталкиваются социализм и капита-

*) Нынешняя русская социаль-демократія не находится в таком положении, чтобы разнообразіе борющихся в ней течений могло найти литературное отраженіе в разнообразіи различных с.-д. органов. Поневоле оппозиція приходится прибѣгать для обсужденія явленій, происходящихъ въ средѣ социаль-демократіи, къ гостепримству не-социаль-демократическихъ изданій, имѣющихъ распространеніе въ той же и родственной средѣ.

Редакція «Соврем. Записокъ» даетъ мѣсто статьѣ о социально-политической идеологіи нынѣшнихъ руководителей с.-д. партіи съ тѣмъ большою охотой, что ей и до того приходилось касаться этой темы, имѣющей большое значеніе не только съ точки зрѣнія интересовъ социаль-демократіи, но и интересовъ всей русской социалистической демократіи въ цѣломъ.

лизмъ, диктатура и свобода, протестъ и примиреніе, а въ головѣ... въ нѣкоторыхъ головахъ по крайней мѣрѣ, эти вещи уживаются довольно спокойно. Вотъ почему послѣ того, какъ въ Россіи погибнетъ «фактъ», исчезнетъ большевизмъ, идеологическія построенія, имъ порожденныя, еще долго будутъ вліять или пытаться вліять на ходъ общественной жизни и тѣмъ самымъ до крайности затруднять переходъ отъ погившаго стараго факта къ утвержденію новаго. Преодоленію идей и иллюзій придется посвятить много интеллектуальной энергіи, ибо идеи и иллюзіи гораздо ревностнѣе стремятся получить свое выраженіе и воплощеніе въ фактахъ, чѣмъ факты — въ идеяхъ и иллюзіяхъ.

Къ этой работѣ слѣдуетъ приступить уже сейчасъ, потому что подчасъ бываетъ гораздо легче побѣдить сторонниковъ зла, чѣмъ въ чемъ-либо ихъ убѣдить. Отъ эпохи большевизма останется огромное наслѣдство идейнаго сумбура, ревнивыхъ парадоксовъ и запальчиво-раздражительныхъ софизмовъ. Побѣжденный какъ фактъ — большевизмъ, весьма возможно, будетъ гораздо болѣе нынѣшняго соблазнять какъ идея и иллюзія. Если сейчасъ, вопреки ужающему аромату чрезвычайскъ, провокацій, звѣрствъ, насилій, бездонной пошлости и мерзвети его живого проявленія, сильнѣйшимъ образомъ чувствуется его вліяніе на нѣкоторыя антибольшевистскія социалистическія теченія, то легко понять, что послѣ того, какъ большевизмъ «преставится», какъ перестанутъ «бить въ носъ» его реально-чрезвычайныя и чрезвычай-реальныя проявленія, идеологическія его вліянія могутъ стать весьма сильными. Въ особенности, если большевизмъ сойдетъ въ царство тѣней въ ореолѣ мученичества, а его побѣдители не сумѣютъ скоро создать въ Россіи сколько-нибудь сносная условія жизни.

Это не предположеніе только съ нашей стороны. Это наблюденіе, которое было доступно всякому, кто пережилъ даже самый сдержанный «бѣлый» режимъ въ мѣстностяхъ, освобожденныхъ отъ большевизма. Любовь къ дальнимъ большевикамъ была всегда неизмѣримо больше, чѣмъ любовь къ ближнимъ. Большевизмъ, какъ идея и иллюзія, былъ всегда въ большомъ почетѣ, чѣмъ какъ фактъ. Выражаясь ходячимъ жаргономъ, «большевичили» куда

сильнѣе послѣ изгнанія большевиковъ, чѣмъ послѣ ихъ прихода. Факты гибли, иллюзіи расцвѣтали.

Намъ придется еще не разъ встрѣтиться съ ними на путяхъ возрожденія Россіи послѣ паденія большевизма. Необходимо дать себѣ въ нихъ полный отчетъ. Онѣ не столь невинны и не столь невліятельны, какъ принято думать. Онѣ въ значительной мѣрѣ подчиняютъ себѣ въ Россіи тѣ массы населенія, которыя болѣе или менѣе сознательно выступаютъ противъ нынѣ господствующей власти. Эти иллюзіи и идеи извѣстнымъ образомъ систематизируются и обобщаются въ видимо стройную теорію — тактическую и социальную-политическую. Эта теорія имѣетъ много разновидностей. Намъ здѣсь будетъ занимать исключительно одна изъ нихъ — социаль-демократическая. Нынешняя Р.С.-Д.Р.П., т. е. тѣ официально признаваемые Центральнымъ Комитетомъ группы работающихъ въ Россіи **социаль-демократовъ**, разработала и продолжаетъ разрабатывать особую теорію социализма и классовой борьбы, о какой не имѣетъ представленія тотъ читатель, какой знаетъ только старыя, прежнія теоріи марксизма и соц.-демократіи.

Передъ нами новое ученіе о ходѣ общественнаго развитія, о классовой борьбѣ, о тактикѣ социализма, о демократіи и о революціи. За время торжества большевизма официальная социаль-демократія продѣлала очень крутой и очень рискованный путь отъ старыхъ принциповъ къ новымъ. Въ результатѣ социаль-демократія, вѣрнѣе будетъ сказать то, что нынѣ именуется Р. С.-Д. Р. П., являетъ собою оригинальное **сочетаніе идей и положеній**, выявленіе и анализъ которыхъ представляетъ большой, не только теоретическій, но и практический интересъ.

II.

Рѣшающую роль для всякой социалистической партіи играетъ въ настоящее время вопросъ о «мировой социальной революціи». Давленіе этого вопроса на социалистическую программу и тактику

является прямо роковымъ. Съ перваго взгляда трудно понять почему это такъ. Многіе склонны думать, что между сторонниками мнѣнія объ относительной близости соціальной революціи и противниками этого мнѣнія разногласія не имѣютъ принципиальнаго характера, а происходятъ изъ разной доли историческаго нетерпѣнія, изъ «пессимизма» однихъ и «оптимизма» другихъ. Оптимистамъ и нетерпѣливымъ кажется, что соціальная революція, т. е. непосредственная борьба, «послѣдній и рѣшительный бой» пролетаріата за власть близка, пессимистамъ и терпѣливымъ кажется, что до этого еще очень далеко. Поэтому первые строятъ свою тактику на основѣ революціи, вторые — на основѣ мирнаго развитія.

Эта схема вѣрна только въ томъ отношеніи, что дѣйствительно — тактика пессимистовъ и оптимистовъ не можетъ не быть глубоко различной. Но она крайне поверхностна въ томъ отношеніи, что совершенно игнорируетъ вопросъ о самомъ происхожденіи этого пессимизма или оптимизма. Между тѣмъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что независимо отъ пессимизма и оптимизма источники ихъ все равно по разному опредѣлили бы тактику спорящихъ группъ.

Вопросъ идетъ вотъ о чемъ: отъ нищеты ли и разрухи или отъ богатства и полноты капиталистическаго общества оно перейдетъ къ высшимъ соціалистическимъ формамъ экономической и общественной жизни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ является рѣшающимъ для всего міросозерданія соціализма. Если отъ нищеты, то факральныя предчувствія и построения, иначе говоря тактика рассчитанная на скорость соціальной революціи должна неизбѣжно тяготѣть надъ тѣми, кто даетъ такой отвѣтъ. Эта тактика тѣмъ понятнѣе и т. с. неотвратимѣе послѣ такой катастрофы, какъ мировая война. И т. к. капитализмъ вообще не на долго избавляетъ человѣчество отъ всякаго рода кризисовъ и потрясеній, то тактика «перманентныхъ революцій», тактика соціально-революціонной экспансіи окрашиваетъ всю дѣятельность соціалистовъ, видящихъ, не могущихъ не видѣть въ каждой очередной катастрофѣ «приближеніе конца», если не самый конецъ.

Если исходить изъ термина «созрѣваніе капитализма», то нужно сказать, что въ этихъ построеніяхъ, въ этой постоянной финальной настороженности социализмъ является результатомъ гнѣнія капитализма. Для этихъ построений достаточно одинъ фактъ гибели капитализма, чтобы отъ него умоаключать къ рожденію социализма. Капитализмъ — не предпосылка социализма, а *помѣха* ему. Когда капитализму худо — социализму хорошо. Когда капитализмъ боленъ — надо его лечить, чтобы сталъ возможенъ социализмъ. Капитализмъ неспособенъ справиться съ созданной имъ разрухой, всеобщимъ обнищаніемъ, слѣдовательно... возможенъ социализмъ. Сила послѣдняго въ слабости перваго. Выборъ одинъ: или социализмъ или капитализмъ. Не тотъ, такъ другой.

«Воля къ социализму» широкихъ массъ играетъ въ этомъ построеніи огромную роль. Эта воля постоянно присутствуетъ, то ярко вспыхивая, то слабо мерцая, но всегда готовая воплотиться въ новыхъ формахъ жизни. Лишь бы сбросить помѣху капитализма, воспользовавшись столь часто представляющимися случаями его кризиса, слабости, упадка, замѣшательства. Каждый этотъ случай стимулируетъ волю къ социализму, подымаетъ до крайняго напряженія финальныя предчувствія и вновь и вновь укрѣпляетъ партіи въ ихъ ставкѣ на социальную революцію*).

«Оптимисты» рѣдко расчленяютъ эти два понятія: социальная революція и социализмъ. Между тѣмъ ихъ необходимо расчленять, и русскій опытъ достаточное въ этомъ отношеніи предостереженіе. Несомнѣнно можетъ наступить такое катастрофическое для капиталистическаго общества положеніе, при которомъ пролетариату удастся свергнуть политическое господство владѣющихъ классовъ и захватить власть въ свои руки. Это будетъ революціей и будетъ социальной революціей, ибо власть перейдетъ въ руки до сихъ поръ социально угнетеннаго класса, но это не

*) Есть нѣкоторое довольно симптоматическое сходство между этими построениями и построениями ранняго періода русскаго народничества, когда также полагали силу социализма въ слабости русскаго капитализма. Капитализмъ тоже тогда разсматривали, какъ помѣху социализму. И теперь уже на долю многихъ марксистовъ выпала реабилитация этого строя идей.

всегда обязательно будет *социалистической* революціей. Потому что можно свергнуть господство класса, но нельзя свергнуть господства тѣхъ социально-экономическихъ тенденцій, которыя этотъ классъ когда хорошо, а когда худо выражаетъ. Можно свергнуть буржуазію, если она погрязла въ преступленіяхъ, глупа, бездарна, эгоистична до слѣпоты, неорганизована и притомъ еще барахтается безпомощно въ кризисѣ и разрухѣ. Но, свергнувъ ее, придется то дѣло, которое она дѣлала плохо, дѣлать хорошо, если это, конечно, по силамъ тѣмъ, кто буржуазію замѣнитъ. Отъ завоеванія власти какимъ-нибудь классомъ до осуществленія его, специфически ему присущей идеи общественно-экономическаго устройства — дистанція иногда огромнаго размѣра, а для пролетаріата именно это огромная дистанція суждена въ нынѣшнихъ условіяхъ міроваго развитія.

Такова концепція социальной революціи отъ нищеты въ самомъ общемъ ея видѣ, конечно.

III.

Иначе мыслится социальная революція отъ богатства, отъ «исполненія» капитализма. Здѣсь логическое и политическое удареніе состоитъ не въ томъ, что уже невозможенъ капитализмъ, а въ томъ, что уже возможенъ социализмъ. При этомъ однако слѣдуетъ избѣгать представленія о томъ, что эта возможность выражается только въ достаточной зрѣлости капитализма, въ мощномъ развитіи экономики, въ колоссальномъ накопленіи богатствъ и ихъ централизаціи въ немногихъ рукахъ. Это условіе необходимое, но отнюдь не достаточное. Необходима еще извѣстная зрѣлость того класса, который претендуетъ на руководство новымъ обществомъ. Между зрѣлостью капитализма и зрѣлостью пролетаріата существуетъ, конечно, прямая зависимость. Но социальное развитіе рѣдко, а можетъ быть и никогда, не идетъ съ той гармоничностью отдельныхъ его явленій, при которой умозаключенія отъ объективныхъ факторовъ экономики къ субъективнымъ факторамъ ду-

ха, вполне совпадали бы съ дѣйствительностью. Поэтому зрѣлость пролетаріата, это то, что должно быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ показано или доказано независимо отъ констатированія зрѣлости для социализма капиталистическаго строя.

Социализмъ придетъ не раньше, чѣмъ исполнятся капитализмъ, т. е. не раньше, чѣмъ въ нѣдрахъ его вырастутъ условія для веденія общественнаго хозяйства въ интересахъ всего народа, *по волю этого народа*. Раньше можетъ придти власть рабочаго класса, если онъ достаточно созрѣлъ культурно, организаціонно и политически. Но если онъ настолько созрѣлъ, то, придя раньше **«исполненія»** капитализма, онъ воспользуется властью не для сверженія капитализма, а для дальнѣйшаго развитія его наиболѣе прогрессивныхъ сторонъ. Такой случай нисколько не гипотетиченъ. Развитіе демократіи и парламентаризма можетъ привести къ образованію правительства социалистовъ при социалистическомъ большинствѣ въ парламентѣ, и тогда власть социалистовъ, если это будутъ социалисты, а не большевики, станетъ во главѣ буржуазнаго по своей экономической структурѣ государства.

Въ Грузіи съ извѣстными оговорками мы имѣли нѣчто подобное. Въ Новой Зеландіи тоже былъ періодъ, когда рабочіе, правда очень умѣренные, стояли во главѣ буржуазнаго государства, которое подъ ихъ властью несомнѣнно быстро развивало въ себѣ объективныя возможности социализма. Если-же социалисты, свободные отъ финальной мистики, приводятся превратностью революціи къ власти, то возможенъ случай и примѣръ его даетъ Германія, что они либо добровольно отъ нея отказываются, если они не умѣрены въ своихъ силахъ и силахъ пролетаріата, либо же стремятся подѣлить власть съ буржуазными классами, для того, чтобы субъективнымъ перелетомъ идеологіи своей партіи не стать въ противорѣчіе съ объективнымъ недолетомъ экономического развитія.

Соціальная революція съ этой точки зрѣнія меньше всего вопросъ о завоеваніи власти и больше всего вопросъ о возможностяхъ осуществленія социалистическаго хозяйства и социалистической общественности. Совершенно естественно, что въ эпоху

катастрофъ и кризисовъ, кто бы ни былъ ихъ виновникомъ, когда на общество въ цѣломъ падаютъ колоссальной сложности задачи при избыточной противъ мирнаго времени трудности ихъ рѣшенія — въ эту эпоху замѣшательства, когда легко только захватить власть и безмѣрно трудно употребить ее въ цѣляхъ социализма — совершенно естественно, что такое время «пессимисты» менѣе всего склонны утилизировать, какъ эпоху социальной революціи. Они болѣе склонны идти къ социализму отъ высшаго пункта капитализма, отъ его конечныхъ достижений, чѣмъ отъ того пункта, куда онъ откатился назадъ, хотя бы отсюда было ближе къ захвату власти. Къ захвату власти можетъ быть и ближе, но къ социализму во всякомъ случаѣ дальше, хотя бы даже этотъ захватъ и произошелъ. Русскій примѣръ впрочемъ показываетъ, какъ довременное овладѣніе властью само по себѣ можетъ рѣшительно ослабить шансы социализма.

Социалисты этого типа не желаютъ становиться наследниками капитализма путемъ умерщвленія его въ тотъ моментъ, когда онъ совершенно разоренъ, запутался въ долгахъ, натворилъ массу бѣдъ и можетъ оставить все хозяйство въ исключительно расхлябанномъ состояніи. Они не желаютъ за него отдуваться, хорошо понимая насколько трудно будетъ это сдѣлать. Они основательно опасаются, что она другой день послѣ социальной революціи къ руководящимъ элементамъ новаго общества будутъ предъявлены такія требованія, которыя немислимо удовлетворять безъ принесенія общихъ задачъ социалистическаго строительства въ жертву глущей злобѣ сегодняшняго темнаго, отчаяннаго и чернаго дня.

Такимъ образомъ споръ о томъ — близка-ли или далека отъ насъ социальная революція — это споръ не о гадательныхъ срокахъ, и вообще не о срокахъ, не споръ темпераментовъ и разныхъ степеней ясновидѣнія, а глубокое расхожденіе двухъ радикально противоположныхъ міросозерпаній, неизбѣжно связанныхъ и съ особой окраской всего мышленія — въ одномъ случаѣ «революціонной» — оптимистической, въ другомъ случаѣ «реформистской» — пессимистической.

IV.

Какъ же обстоитъ на этотъ счетъ дѣло въ русской социаль-демократіи? *) Она всецѣло находится во власти оптимистической концепціи. Она вѣрится въ близость социальной революціи, она знаетъ, что эта революція близка и всякую противоположную тенденцію въ объективномъ развитіи она склонна разсматривать какъ временное поражение, какъ «передышку». Здѣсь никакого принципиальнаго различія между нею и большевизмомъ нѣтъ. Есть разница только въ темпѣ, только въ словесномъ выраженіи той-же ставки на мировую революцію. Въ №6 «Соц. Вѣстника» — органа заграничной делегаціи Р.С.-Д.Р.П. — мы находимъ статью Отто Бауэра подъ характернымъ заглавіемъ «Передышка въ развитіи революціи». Задача этой статьи доказать, что торжество капитализма, обрадовавшихся заявленію Ленина о нескоромъ пришествіи социальной революціи, «торжество преждевременное». Нарисовавъ широкими мазками картину забаламученной, барахтающейся въ жестокихъ кризисахъ Европы — Бауэръ восклицаетъ: «Кто повѣритъ, что такой мировой порядокъ можетъ продолжаться долго? И каждый новый кризисъ, каждая новая катастрофа даетъ новый толчекъ социальной революціи! Нѣтъ, капиталисты не имѣютъ права торжествовать, социальная революція не умерла. Она только приостановила свой бѣгъ... Она переводитъ духъ. Но часъ настанетъ, когда она снова ринется впередъ». Въ этихъ повышенно-страстныхъ словахъ — весь духъ оптимистической концепціи социальной революціи отъ бѣдности, голода, разоренія. Весь духъ... но только духъ. Ибо нѣсколькими строками ниже Бауэръ съ тѣмъ же пафосомъ, сравнивая социальную революцію пролета-

*) Во избѣжаніе въ дальнѣйшемъ недоразумѣній, считаю нужнымъ подчеркнуть, что, говоря о русской социаль-демократіи, характеризуя ее сумерки — я имѣю въ виду не всю массу соц.-дем. работниковъ на мѣстахъ и въ эмиграціи, а лишь официальные органы Р. С.-Д. Р. П. и официальную идеологию. Несмотря на рядъ репрессій со стороны Ц.К., какъ внутри официальныхъ рамокъ партіи, такъ и внѣ ихъ имѣются группы работниковъ, представляющихъ оппозицію. За послѣднее время эта оппозиція открылась впрочемъ и въ официальныхъ органахъ партіи.

риата съ революціей буржуазной, говоритъ: «хоть ея будетъ не менѣе длительнымъ, не болѣе равномернымъ, не менѣе переменчивымъ». Какова же была длительность буржуазной революціи? Бауэръ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. «Буржуазная революція направляла Европу по своему пути отъ 1789 г. до 1871 г. Въ эти 80 лѣтъ она предѣлала разнообразнѣшія фазы и принимала разнообразнѣшія формы». Если въ цѣль буржуазной революціи, сбитую Бауэромъ, включить еще буржуазныя революціи Россіи и Азіи, тянувшіяся до весны 1917 г., то придется эту цѣль растянуть не на 80 лѣтъ, а на цѣлыхъ 126 лѣтъ. Такою же по крайней мѣрѣ длительность, неравномерность и переменчивость онъ предвидитъ и для пролетарской революціи. И все-таки при этомъ, пусть даже въ 80 лѣтъ, ужасающе длинномъ срокѣ онъ считаетъ возможнымъ патетически спрашивать: «кто повѣритъ, что такой міровой порядокъ можетъ держаться долго?» Какъ — «кто повѣритъ!» Самъ Бауэръ въ это вѣритъ. Стоитъ ли послѣ этого пугать буржуазію «передышкой» и взвизгивать самого себя финальными пречувствіями и и выкриками, пускаемыми въ пространство 80, если не 126 лѣтъ? И возможно ли совмѣстить такія вещи на протяжении всего только 32 строкъ? Да, «легко укладываются въ головѣ мысли», и на бумагѣ слова, хотя бы и самыя противорѣчивыя мысли и самыя противорѣчивыя слова.

«Если классическая большевистская теорія гласила, что міровая война неизбежно и немедленно превратится въ міровую революцію, то въ средѣ социаль-демократіи эта идея нашла распространеніе въ нѣсколько смягченной формѣ: революція еще не настала, но «мы живемъ въ эпоху социальной революціи».

Это не наша характеристика. Она принадлежать менѣе насъ пристрастному автору — Д. Далину, члену Ц.К.Р.С.-Д.Р.П.и нашла она себѣ мѣсто въ томъ же «Соц. Вѣстникѣ». Д. Далину можно довѣрять въ характеристикѣ своей среды. Онъ выступилъ спеціально противъ выше цитированной статьи Бауэра, найдя въ ней какъ разъ эту смягченную большевистскую теорію. Его возраженія характерны тѣмъ, что онъ всецѣло стоитъ на той же точкѣ зрѣнія происхожденія социальной революціи изъ нищеты, голода и разрухи, что и Бауэръ, отличаясь отъ него только тѣмъ, что онъ

не видитъ въ Европѣ той бездны провала и тѣхъ катастрофъ, какія видитъ Бауэръ. Они по-разному видятъ факты, но одержимы одной и той же концепціей.

Какъ же разрѣшаетъ редакція «Соц. Вѣстника» возгорѣвшійся на его столбцахъ споръ? Напечатавъ статью Бауэра безъ всякихъ редакціонныхъ оговорокъ, редакція снабдила статью Далина оговоркой такого рода. «Не изъ катастрофическаго, безнадежнаго ухудшенія экономическаго состоянія и невозможности для капитализма вести вообще національное производство выводили марксисты наступленіе эпохи соціальной революціи, а лишь изъ невозможности для буржуазнаго общества при сохраненіи присущаго ему соотношенія соціальныхъ силъ, снова наладить относительно непрерывный ходъ производства на основѣ постепеннаго повышенія благосостоянія пролетаріата и другихъ не капиталистическихъ классовъ». Въ этой туманной формулѣ вотъ что характерно. Характерно во-первыхъ, что она является оговоркой не къ статьѣ Бауэра, какъ разъ выводящаго «эпоху соціальной революціи» изъ безнадежнаго ухудшенія экономическаго состоянія, а къ статьѣ Далина, эту безнадежность отрицающаго. Характерно во-вторыхъ то, что она косвенно признаетъ въ прошломъ при капитализмѣ наличіе постепеннаго повышенія благосостоянія пролетаріата, когда марксизмъ это отрицалъ, констатируя процессъ относительнаго обнищанія пролетаріата. И, наконецъ, характерно въ-третьихъ то, что, признавая возможность для капитализма и сейчасъ еще «вести вообще національное производство», «Соц. Вѣстникъ» въ той же фразѣ отрицаетъ возможность «снова наладить относительно-непрерывный ходъ производства» правда съ прибавкой: «на основѣ постепеннаго повышенія благосостоянія». А что если и прежде не было этой основы? Вѣдь ее же отрицали. Что же — и тогда была эпоха «соціальной революціи»? Ясно, что, если «эпоху соціальной революціи» понимать такъ, какъ Бауэръ, съ гигантскимъ аршиномъ отмахивающимъ сразу 80-100 лѣтъ, то, конечно, «эпоха соціальной революціи» наступила съ первымъ промышленнымъ кризисомъ, первой капиталистической войной и первымъ шагомъ классовой борьбы современнаго пролетаріата.

Мы сознательно такъ подробно остановились на этой концеп-

пін соціальною революціою, чтобы показать къ какимъ тяжелымъ логическимъ и политическимъ разстройствомъ ведетъ неумѣренное и неосторожное потребление большевистскихъ спеній. Мысль бьется въ тискахъ, конвульсивно бьется отъ тяжелой пици. а руки тинутся невольно все къ той же «катастрофической» конценци.

И она побѣждаетъ цѣликомъ уже не въ теоретическихъ разсужденіяхъ, а въ практической политикѣ. Тамъ въ «сѣрой теоріи» 80 и 100 лѣтъ скитаній до «недолгаго» краха капитализма, а здѣсь на практикѣ — дѣло завтрашняго дня. «Съ октября 1918 г. при первыхъ раскатахъ падвигающейся германской революціи русская социаль-демократія не уставала доказывать, что единственная услуга, которую русскій социализмъ можетъ оказать международному пролетаріату, заключается въ томъ, чтобы... путемъ соглашенія съ крестьянствомъ сдѣлать изъ революціонной Россіи прочный базисъ міровой революціи: политически, поскольку направлять ее (?) судьбу будетъ союзъ пролетаріата съ демократическимъ крестьянствомъ; экономически, — поскольку необъятныя пространства Россіи дадутъ ей возможность снабжать сырьемъ и продовольствіемъ реорганизующуюся въ социалистическомъ направленіи Европу». («Соц. Вѣстникъ» № 6). «Соц. Вѣстникъ» съ торжествомъ цитируетъ далѣе «Rote Fahne», гдѣ Радекъ повторяетъ эти же мысли о превращеніи Россіи въ «силовой центръ европейской революціи» Россія, какъ интендантскій складъ міровой революціи, какъ «прочный базисъ міровой революціи», какъ «силовой центръ»-согласитель: о такихъ вещахъ говорятъ не передъ 80-ти или столѣтней прогулкой по эпохѣ міровой революціи, а накануне самаго ея взрыва. И «Соц. Вѣстникъ» чувствуетъ этотъ канунъ. Онъ уже ее видитъ — «всемирную». Онъ обвиняетъ III интернаціональ въ томъ, что тотъ не могъ стать руководителемъ «всемирной пролетарской революціи, подготавливающейся и развивающейся на Западѣ». III интернаціональ испортилъ все дѣло. «ибо русская революція, даже въ той искаженной формѣ, которую ей придала большевистская диктатура, могла бы стать весьма цѣннымъ союзникомъ для вступающаго *въ фазу непосредственной борьбы* за власть и за социализмъ международного пролетаріата». («Соц. Вѣстникъ» № 1). Вы видите, что здѣсь ужь не «эпоха» фи-

гурируетъ 100 лѣтъ ползущей улитой, а прямо «фаза непосредственной борьбы». То же ускореніе дѣла мы видимъ и въ резолюціи делегации Р.С.-Д.Р.П. на VIII съѣздѣ совѣтовъ. «Въ открывающуюся эпоху строительства (рѣчь идетъ о мирномъ строительствѣ большевиковъ послѣ побѣдъ «героической красной арміи»), которому суждено протекать *на фонѣ начинающейся міровой социальной революціи*» и т. д. («Соц. Вѣстникъ» № 2).

Такимъ образомъ міровая социальная революція — то какъ «эпоха», то какъ «фаза», то только «начинающаяся», то уже «развивающаяся», то «подготавливающаяся», то «непосредственная», то все это вмѣстѣ — **окрашиваетъ все міросозерцаніе** нынѣшней соц.-дем. партіи, поскольку за нее говорятъ ея официальные органы. Подъ гнетомъ этой идеи проходитъ вся ея дѣятельность и, сходясь въ этомъ отношеніи съ большевиками, иногда отставая отъ нихъ въ ихъ эсхатологіи, а иногда и опережая ихъ, с.-д. партія дѣлаетъ отсюда рядъ практическихъ выводовъ, имѣющихъ для русскаго социализма и для дѣла политической эмансипаціи Россіи не менѣе, если не болѣе роковое значеніе. чѣмъ блужданіе между фазами и фразами о міровой социальной революціи.

V.

Если на Западѣ начинается или развивается или подготавливается социальная революція, то каковы задачи Россіи? Какой должна быть Россія? И въ чемъ социально-политическій смыслъ ея нынѣшняго развитія? Органъ с.-д. признаетъ, что въ Россіи существуютъ лишь «узкіе границы для социализаціи народнаго хозяйства». Обообщеніе отдѣльныхъ отраслей хозяйства возможно «лишь очень постепенное». Большевики однако не дали возможности «использовать и тѣ скромныя возможности развитія къ социализму, которыя имѣлись на-лицо». («Соц. Вѣстникъ» № 2).

Итакъ въ Россіи викакого социализма нѣтъ. Есть только скромныя возможности развитія къ нему въ видѣ лишь очень постепеннаго, въ узкихъ границахъ проводимаго обобществленія отдѣльныхъ отраслей хозяйства. Большевики однако ис-

портити и засорили и эти узкія тропинки, и органъ с.-д. не может не констатировать стремленіе «громаднаго большинства производителей — отъ коммунизма къ индивидуальному хозяйству».

Всякій человекъ, не зараженный финальными предчувствіями и ожиданіями, скажетъ, что эта совершенно правильная характеристика Россіи не даетъ никакого права выдумывать для нея особые пути, кромѣ тѣхъ путей, какіе социаль-демократія ей предсказывала въ результатъ ликвидаціи социальныхъ и политическихъ основъ и надстроекъ російскаго самодержавія. Онъ скажетъ, что эти скромныя возможности и узкія границы для осторожной націонализаціи нѣкоторыхъ, весьма немногихъ отраслей хозяйственной жизни имѣлись задолго до начинающейся или подготовляющейся міровой революціи. что шире всего эти возможности были въ странахъ, гдѣ пролетаріатъ и социалисты менѣе всего склонны были къ революціи, что рѣдко кто эту социально-реформистскую презу выдавалъ за социально-революціонную поззію. что въ этомъ направленіи работали чисто буржуазныя правительства, которыя и сейчасъ дѣлаютъ для социальной революціи, выражающейся въ постепенной націонализаціи отдѣльныхъ отраслей промышленности или группъ предприятий, гораздо больше, чѣмъ самые запойные игроки въ міровую революцію.

Не зараженный финальной мистикой политикъ долженъ будетъ признать, что если, при гораздо большихъ чѣмъ въ Россіи возможностяхъ націонализаціи на Западѣ, тамъ не были посуды, не тревожили въ колокола и дѣлали самонужнѣйшее дѣло укрѣпленія социальныхъ и политическихъ основъ демократіи и развитія организационно-культурной мощи пролетаріата и крестьянства, то тѣмъ паче не подобаеъ этотъ поэтический безпорядокъ мыслей и чувствъ у насъ въ Россіи, покотившейся отъ и безъ того невысокихъ ступеней социального, экономического и гражданскаго развитія далеко назадъ ко всякимъ видамъ варварства и «натуральнаго» попеховства.

Но нѣтъ! Финальная мистика губитъ все проблески здраваго смысла и начисто стираетъ плоды совершенно правильнаго

анализа. Поэтический беспорядокъ мысли беретъ реваншъ у прозы объективнаго анализа, ибо... «россійская революція развертываетъ свои трагическія фазы на фонѣ сумерекъ междунагоднаго капитализма и быстро нарастанія социальна-экономическихъ и психологическихъ условий для побѣды социализма въ передовыхъ странахъ. Последнее открываетъ для Россіи, преодолѣвшей большевистскую диктатуру, объективную возможность..., удержавъ изъ социальныхъ завоеваній большевистской революціи максимумъ того, что позволяетъ общій уровеньъ развитія производительныхъ силъ... ускорить развитіе отсталой страны къ социализму. Основной предпосылкой такой революціи является социалистическая побѣда пролетаріата въ передовыхъ странахъ». («Соц. В.» № 2). Т. е., иначе говоря, Россія должна была-бы стать обыкновеннымъ буржуазно-демократическимъ государствомъ, ибо, говорить та же статья, «въ конечномъ счетѣ должны побѣдить объективныя тенденціи хозяйственнаго развитія». Но такъ какъ надвигается или уже развивается или только подготавливается всемірная революція, то намъ слѣдуетъ немного подождать съ возвратомъ къ буржуазному строю, съ подчиненіемъ «объективной тенденціи хозяйственнаго развитія», покада «социалистическая побѣда въ передовыхъ странахъ» не освободитъ насъ отъ гнета нашей объективной тенденціи и дастъ намъ возможность, попридержавши «социальныя завоеванія большевистской революціи», быстро скользнуть къ социализму.

Конечно, немного подождать, усиленно отбиваясь отъ объективныхъ тенденцій, ничего не стоитъ. Зачѣмъ городить буржуазный огородецъ, когда завтра все придется перемѣнить и городить огородецъ социалистическій?

Когда-же настанетъ это завтра и сколько же придется отбиваться отъ объективныхъ тенденцій? О. Бауэръ отвѣчаетъ, что дѣтъ 80-100. Даліиъ вообще отказывается разсуждать на эту тему, а вся редація «Соц. Вѣстника» въ цѣломъ, какъ это видно въ ея примѣчаніи къ его статьѣ, тоже, не опредѣляя сроковъ, предвидитъ, что «капитализмъ сможетъ пережить и этотъ и дальнѣйшіе частныя кризисы». Согласитесь, что при такой неопредѣленности представленій о томъ, когда и какъ наступитъ настоящій день —

вся идеологія бивуачнаго состоянія и пребыванія Россіи «ни въ тѣхъ и ни въ сѣхъ» рухнетъ самымъ плачевнымъ образомъ.

Нельзя, сказавши Россіи, жаждущей оформить свое соціально-политическое бытіе: «погоди минуточку» отправиться въ дальнія страштія неизвѣстно на какое время и совершенно забыть, что несчастная, голодная и иззябшая Россія стоитъ на вѣтру у скрепленія міровыхъ путей и, переминаясь съ ноги на ногу, ждетъ не дождется аргонавтовъ, уѣхавшихъ за золотымъ руномъ міровой революціи.

Ни взадъ къ капитализму нельзя, ни впередъ къ социализму! Направо пойдешь — смерть найдешь, налево пойдешь — голову разобьешь. Это не политика, это... поэтический безпорядокъ мыслей и чувствъ.

VI.

Интереснѣй всего то, что такъ низко расцѣнивая социалистическія возможности Россіи въ соціально-экономической области, такъ неуверенно относясь къ міровой революціи, которая когда-то еще будетъ, нынѣшняя русская соц.-демократія уже совершенно безъ всякаго страха и сомнѣнія постулируетъ для Россіи социалистическую власть. Политики столь ясно, подчеркивающіе, что нѣтъ достаточныхъ элементовъ для социализма въ экономикѣ, ничтоже сумняшеся провозглашаютъ социализмъ въ политикѣ. Какова должна быть форма правленія въ Россіи, кому должна принадлежать власть? Покуда отвѣтъ гласитъ «трудящимся» — до тѣхъ поръ неясностью терминологіи можно еще прикрыть слабость и шаткость позиціи. Если «трудящіяся» — это то огромное большинство производителей, которое по словамъ «Соц. Вѣстн.» стремится къ индивидуальному хозяйству, то очевидно, что оно никакой социалистической власти не создастъ, а утвердитъ власть среднихъ и мелко-буржуазныхъ элементовъ. Отъ слова «трудящіяся» не станется. Но у «Соц. Вѣстн.» есть и другой отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Отстаивая необходимость соглашенія съ крестьянствомъ и интеллигенціей, «Соц. Вѣстн.» видитъ передъ собой «руководимое социалистическимъ пролетаріатомъ государство» и государство это Россія. Здѣсь марксистская слабость заставляетъ уже замѣ-

нить расплывчатый терминъ «трудящіеся» болѣе очерченнымъ понятіемъ: пролетаріатъ.

Эта, говоря коротко, пролетарская власть «сможетъ путемъ одной экономической мощи безъ всякаго насильственнаго вторженія въ область частно-капиталистическихъ отношеній въ деревнѣ экономически подчинить себѣ и своимъ цѣлямъ мелко-буржуазныя сельскія хозяйства, не задѣвая жизненныхъ интересовъ крестьянства и не вызывая сопротивленія съ его стороны». Органы соц.-демократіи полагаютъ, что это дѣло исполнѣе возможно, что въ странѣ, гдѣ огромное большинство производителей стремится къ индивидуальному хозяйству и всецѣло стоитъ на почвѣ частно-капиталистическихъ отношеній, широкія массы собственниковъ выдержатъ политическое господство социалистическаго пролетаріата, примутъ безъ сопротивленія такой строй, при которомъ «элементы социализма, сосуществуя съ элементами капитализма, *политически и экономически доминируютъ и господствуютъ* въ данной странѣ, накладывая свой отпечатокъ на все хозяйство въ цѣломъ и подчиняя его себѣ все больше и больше». Это очень отрадная картина: мужицкое царство съ огромнымъ большинствомъ стоящаго на почвѣ частной собственности населенія добровольно, безъ сопротивленія подчиняется власти социалистическаго пролетаріата, поставившаго себѣ цѣлью уничтоженія частно-капиталистическихъ отношеній и активно проводящаго политику социаль-ной революціи.

Но вѣдь это и есть большевистская утопія! И возможна она въ устахъ соц.-демократовъ просто потому, что они, подобно большевикамъ, «преодоливъ демократію», не могутъ даже подумать о такой простой вещи, что громадное большинство производителей — это вмѣстѣ съ тѣмъ громадное большинство избирателей, которые при демократическомъ образѣ правленія, на основѣ всеобщаго избирательнаго права и парламентаризма, изберутъ такое правительство, которое будетъ соответствовать ихъ социальнымъ интересамъ, интересамъ частной собственности, а не интересамъ тоненькой въ Россіи пленки социалистическаго пролетаріата, стремящагося безъ всякихъ для этого основаній, «политически и экономически доминировать и господствовать».

Отъ этихъ иллюзій о политическомъ господствѣ пролетаріата въ Россіи соц.-демократовъ могла-бы избавить теорія историческаго матеріализма о зависимости политической надстройки отъ экономическаго базиса. Но если и это не помогло, если въ вопросѣ о базисѣ и надстройкѣ нынѣшніе лидеры с.-д. захотѣли быть умнѣе своихъ отцовъ, то оставались вѣдь простыя истины и законы демократіи, которые для социаль-демократіи тѣмъ обязательнѣе, что она всегда и не безъ основанія подчеркивала свое право на званіе самой послѣдовательной демократической партіи. Будь этотъ демократизмъ еще и сейчасъ живой, двигательной силой политическаго сознанія, не превратясь онъ въ пустую словесную шелуху, онъ даже безъ теорій о базисѣ и надстройкѣ могъ-бы прѣдостеречь отъ иллюзій социалистической власти социалистическаго пролетаріата въ странѣ, гдѣ онъ составляетъ ничтожнѣйшее меньшинство. Но, увы, духъ демократіи исчезъ изъ идеологіи нынѣшней соц.-дем. партіи, удержавшей эту демократію только въ хвостѣ своего названія. И въ этомъ отношеніи нынѣшніе эпигоны захотѣли стать умнѣе пионеровъ.

У этихъ эпигоновъ мы находимъ чуждую вѣру въ то, что возможно партійнымъ верхушкамъ пролетаріата разработать такое соглашеніе съ крестьянствомъ, при которомъ послѣднее предоставитъ командующую, господствующую и доминирующую роль пролетаріату. На тему о «соглашеніи съ крестьянствомъ» о «раздѣлѣ власти съ крестьянствомъ» с.-д-тами было написано очень много. Этому соглашенію было придано такое чудодѣйственное значеніе, что даже готовились простить большевикамъ ихъ прегрѣшенія подъ условіемъ соглашенія съ крестьянствомъ. «Съ первыхъ дней октябрьскаго переворота русская соц.-демократія не переставала твердить, что вѣдь этого пути для революціи вообще нѣтъ спасенія и что только вставъ на этотъ путь большевистская партія сможетъ искупить свой грѣхъ внесенія гражданской войны въ трудящіяся массы и оправдаться до извѣстной степени совершенный ею захватъ власти». Сопоставляя эти настойчивые призывы къ соглашенію вплоть до готовности за это соглашеніе амнистировать величайшихъ политическихъ преступниковъ въ исторіи Россіи съ теоріей руководимаго пролетаріатомъ россійскаго государства.

невольнo приходишь къ мысли, что все это пресловутое соглашеніе похоже какъ двѣ капли воды на социальнo-политическoй обходъ огромнаго большинства ничтожнымъ меньшинствомъ, захватившимъ въ свои руки власть. Революція поставила ребромъ вопросъ о власти народа, объ устройствѣ его судьбы свободнымъ волеизъявленіемъ верховнаго народнаго представительства, совершенно сувереннаго въ своихъ правахъ. вмѣсто этой революціонной и демократической постановки вопроса — намъ предлагаютъ «соглашеніе», «общественный договоръ» меньшинства съ большинствомъ на основѣ господства этого меньшинства. вмѣсто этого кучкѣ узурпаторовъ, изнасиловавшихъ народную волю, дается совѣтъ, оставаясь у власти, покрыть свое гнусное происхожденіе и гнусное существованіе уступками изнасилованной массѣ. И даже тогда, когда предвидится, что власть не пойметъ, не оцѣнитъ благоразумный совѣтъ, не послѣдуетъ за нимъ и вслѣдствіе этого падеть — даже тогда вопросъ идетъ не о томъ, чтобы народъ автономно и независимо отъ кого-либо проявилъ свои учредительныя права, а о томъ, чтобы онъ вступилъ въ соглашеніе съ новымъ властвующимъ меньшинствомъ, хотя-бы и болѣе разумнымъ, чѣмъ прежде, но все же не по всенародному полномочію «доминирующимъ и господствующимъ».

Результатомъ этого соглашенія должно явиться для крестьянства «видное участіе въ правительствѣ». («Соц. В.» № 6). Но въ чьихъ рукахъ будутъ вѣсы и мѣры, чтобы опредѣлить долю этого участія? И не странно-ли въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно-ли это, если не грустно, что въ странѣ, гдѣ пролетаріатъ составляетъ ничтожное меньшинство, гдѣ онъ притомъ неслыханно дезорганизованъ и обезсиленъ т.п. «успѣхами революціи», идеологи его снисходительно отпускаютъ огромному большинству экономически господствующаго населенія «видное участіе въ правительствѣ»? Не цѣлесообразнѣе-ли было-бы въ интересахъ социаль-демократіи и пролетаріата подумать о томъ, какъ-бы для нихъ обезпечить хоть какое-нибудь участіе, не то что видное, въ правительствѣ, или даже не участіе, а хотя-бы возможность реального на него вліянія? Неужели пролетаріатъ можетъ преодолѣть свою численную и качественную слабость въ россійской экономикѣ только потому, что онъ

трагически расшибся от безумнаго прыжка въ коммунизмъ? Неужели онъ можетъ стать даятелемъ правъ и авторомъ соглашеній только потому, что тамъ на Западѣ лѣтъ черезъ 80-100 наступитъ часъ торжества его старшихъ и болѣе опытныхъ братьевъ?

VII.

Къ величайшей гордости «Соц. Вѣстника» большевики осуществили какъ разъ тѣ формы экономическаго соглашенія съ крестьянствомъ, которыя отстаивали с.-д. Однако с.-д. понимаютъ, что изъ этого ровно ничего не можетъ выйти, покуда не разрѣшенъ политическій вопросъ.

Къ чему-же сводится это рѣшеніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Д. Далинъ въ интересной статьѣ въ № 10 «Соц. Вѣстн.». Онъ говоритъ, что «для процвѣтанія... всей массы товарнаго и промышленнаго производства» обязательно требуется «прочность и устойчивость экономическаго режима». Въ чемъ заключается эта прочность? Отвѣтъ Далина таковъ. «Если товарное хозяйство цѣликомъ покинется на правѣ частной собственности, то для развитія его необходимо признаніе той суммы правъ, которая связана съ понятіемъ собственности, и необходимъ отказъ отъ того, чтобы прорывать эту сложную систему правъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ т. наз. гражданскомъ правѣ, судопроизводствѣ и проч., систематическими изытціями, реквизиціями, арестами, закрытіями».

Д. Далинъ однако понимаетъ, что дѣло не только въ деклараціи правъ собственности, не только въ ея признаніи, но и въ такой организаціи власти, при которой массы населенія, заинтересованныя въ охранѣ частной собственности, пользовались-бы реальной политической силой для осуществленія этой охраны. «Постоянство — пишетъ Далинъ — и прочность экономическаго строя, необходимаго для развитія хозяйства Россіи достижимы черезъ подчиненія власти тѣмъ массамъ населенія, которые сейчасъ лишь на бумагѣ пользуются политическими правами». Все это очень хорошо. Но вѣдь «вся масса товарнаго и промышленнаго производства» озирается не только на тѣ слои населенія, которые поль-

зуются правами на бумагѣ, но и на тѣ, которые даже и на бумагѣ не пользуются правами. Въдѣ это огромныя массы собственниковъ, производителей, посредниковъ, торговцевъ, мелкихъ, среднихъ и крупныхъ, имѣющихся въ городѣ. Такъ вотъ — эти должны быть причастны власти или только тѣ, кого большевики благоизволили надѣлать правда чисто бумажными правами? Какимъ образомъ, вообще говоря, возможна прочность экономического строя, если доминируютъ и господствуютъ въ политикѣ тѣ силы, которыя враждебны силамъ господствующимъ и доминирующимъ въ экономикѣ? Какъ примирить устойчивость и прочность всей массы товарнаго и промышленнаго производства съ политическимъ господствомъ класса, приходящаго къ власти затѣмъ, чтобы Россію превратить въ «силовой центръ» міровой социальной революціи? Здѣсь «Соц. Вѣстникъ» впадаетъ въ безнадежное противорѣчіе. Далинъ ищетъ путей утвержденія и затверденія частно-капиталистическаго хозяйства, понимая, что «революція — даже и не усложненная утопизмомъ, нарушаетъ нормальный ходъ экономики и отрицательно вліяетъ на производство». Поэтому онъ требуетъ отъ революціи, достигшей своихъ главныхъ цѣлей, чтобы она сдѣлала «вновь создать нормальныя условія, соответствующія данному хозяйственному строю». Иначе говоря, онъ требуетъ остановки на ступени товарнаго, частно-капиталистическаго хозяйства, совершенно справедливо опасаясь, что «если этого не сдѣлаютъ революціонныя силы, за нихъ это сдѣлаютъ силы реакціи». А Мартовъ и вообще «Соц. Вѣстн.» въ цѣломъ остановки не хочетъ, онъ хочетъ гнать сейчасъ-же политическую революцію далѣе къ берегамъ социальной и поэтому во главѣ власти онъ ставитъ не тѣ классы, которые выражаютъ «данный хозяйственный строй», а тѣ, которые выражаютъ строй, лишь имѣющій придти, хотя-бы и черезъ 80-100 лѣтъ. И такъ великъ идейный разбродъ и такъ мысль безнадежно барахтается въ противорѣчіяхъ и такъ сильна одержимость финальными концепціями, что редакція, печатая безъ всякихъ оговорокъ знаменательную статью Далина, не замѣчаетъ даже, что своимъ предостереженіемъ о силахъ реакціи онъ прямо обгащается по адресу руководителей того органа, который напечаталъ его статью. Въдѣ именно руководители

с.-д. партіи борятся съ «реставраціей капитализма», вѣдь именно они, противясь буржуазно-демократическому завершенію буржуазно-демократической революціи, какъ будто сознательно вырываютъ это дѣло изъ рукъ, познавшей ограниченность своихъ соціальныхъ задачъ, демократіи, чтобы въ итогѣ оно попало въ руки реакціи.

VIII.

Впрочемъ является-ли еще нынѣшняя официальная партія силой демократіи? Не соскользнула-ли она вольно или невольно на путь, демократіи враждебный?

Мы въ предыдущей главѣ нѣсколько ужъ освѣтили этотъ вопросъ. Намъ нужно теперь войти въ самую глубь тѣхъ враждебныхъ демократіи тенденцій, которыя, подчасъ въ весьма ясной и даже вызывающей формѣ, сказываются въ практической работѣ и въ теоретическихъ построеніяхъ нынѣшней официальной соціал-демократіи. Первый вопросъ, который при этомъ возникаетъ, заключается въ слѣдующемъ: является-ли еще нынѣшняя соціал-демократія сторонникомъ народовластія? На этотъ вопросъ, увы, приходится дать вполнѣ отрицательный отвѣтъ. Соціал-демократія сошла съ почвы народовластія, сошла сознательно и определенно. Въ знаменитыхъ «тезисахъ центрального комитета», не воспроизведенныхъ, кажется, нигдѣ типографскимъ образомъ, но разосланныхъ въ началѣ прошлаго года по всемъ мѣстнымъ организаціямъ, прежде всего было взято подъ сильное подозрѣніе всеобщее избирательное право. Среди изкурительно-схоластическаго многословія «тезисовъ» это орудіе демократіи было признано устарѣвшимъ. Развивалась, правда съ безконечными, слишкомъ типичными для меньшевизма оговорками и оговорками къ оговоркамъ, теорія если можно такъ выразиться «трудовастія», долженствующаго замѣнить народовластіе. Суверенное право народа на политическое самоопредѣленіе методами всеобщаго голосованія было замѣнено отборомъ годныхъ и негодныхъ, производимымъ въ интересахъ пролетаріата какой-то силой, призванной отдѣлять козлицъ отъ овецъ.

Въ повседневной агитаціи и пропагандѣ, въ теоретическихъ разсужденіяхъ о лозунгахъ исчезла окончательно идея всенароднаго учредительнаго собранія. Пишущій эти строки имѣлъ незабываемое удовольствіе присутствовать при торжественномъ провалѣ поправки, упоминавшей объ Учредительномъ Собраніи. Это произошло на общемъ собраніи какъ разъ очень правой организаціи с.-д., которая за свою правизну была даже назначена центральнымъ комитетомъ къ роспуску. Даже эти убоились... Максимальный демократизмъ партіи дальше «свободныхъ выборовъ въ совѣты» не шелъ. Но и эти «свободные выборы» отнюдь не предполагались всеобщими. Въ практикѣ соц.-дем. вы ни разу не могли найти требованія всеобщаго избирательнаго права, хотя-бы для мѣстнаго самоуправленія. Соц.-демократія всецѣло стала на почву ценза — правда обратнаго тому, который иногда устанавливають буржуазныя правительства.

Трудократія и трудовластіе — вмѣсто демократіи и народо-властія. Реакція російская и всесвѣтная могла лишній разъ убѣдиться въ томъ, что ея принципы ущемленія и погранія права, ея готтентотская мораль усвоены хорошо не только большевиками, но и ихъ видными противниками — социалистами. Реакція російская и всесвѣтная поняла, что требованія равноправія одушевляють политиковъ только потому, что осуществленіе его даетъ имъ возможность установить новое безправіе, но уже въ обратномъ направленіи. Это явилось не только политическимъ прегрѣшеніемъ социаль-демократіи. Это стало факторомъ моральнаго ея разложенія. Ибо только этимъ моральнымъ разложеніемъ можно объяснить такія, наприм., требованія, предъявленныя совѣтской власти отъ имени петербургскаго комитета Р. С.-Д. Р. П.:

«отмѣну осадныхъ и военныхъ положеній, свободу слова, печати, союзовъ и собраній для *всѣхъ трудящихся* :

«освобожденіе *всѣхъ арестованныхъ за политическія убѣжденія социалистовъ и безпартійныхъ рабочихъ и крестьянъ*».

И къ сему рефренъ: «да здравствуетъ подлинная власть трудящихся». («Соц. В.» № 6). Если въ Совденіи арестовываютъ за политическія убѣжденія только социалистовъ и безпартійныхъ рабочихъ и крестьянъ, тогда логика требовала бы,

чтобы было формулировано требованіе объ освобожденіи вообще всѣхъ арестованныхъ за политическія убѣжденія. Но вѣдь Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П. хорошо зналъ, что имѣются сотни и тысячи людей, арестованныхъ и разстрѣливаемыхъ за политическія убѣжденія, но не состоящіе въ званіи социалистовъ и беспартиійныхъ рабочихъ и крестьянъ, имѣющіе мужество не называться облыжно этимъ именемъ... Если это не самая дурная демагогія, то что это такое, какъ не крайнее моральное вырожденіе политической идеологіи?

А затѣмъ свобода собраній, печати и т. д. Могли ли социалисты думать, что наступитъ нѣкогда время, когда они эту свободу сдѣлаютъ привилегіей только черной кости?

Здѣсь соц.-демократія всецѣло прониклась духомъ большевистской узурпаціи. Но эта измѣна духу, принципамъ и требованіямъ демократіи имѣетъ гораздо болѣе принципиальный, а потому и гораздо болѣе опасный характеръ, чѣмъ извращеніе и предательство демократіи со стороны большевиковъ. Потому что гораздо печальнѣе, когда угнетенные предають свободу, чѣмъ когда это дѣлають угнетатели. Что партія, пришедшія къ власти, готовы для ея сохраненія пренебречь и даже надругаться надъ своими принципами и обѣщаніями — въ этомъ ничего удивительнаго и ничего рокового для этихъ принциповъ нѣтъ. Но когда на этотъ путь вступаютъ тѣ, которыхъ власть душитъ и гонитъ — тогда это ударъ по принципамъ гораздо болѣе опасный. Для идеи верховенства всенародной воли не столь опасны штыки, разогнавшіе Учредительное Собраніе, сколько перья, вычеркнувшія Учредительное Собраніе изъ политической программы оппозиціонной партіи. Всѣ насилія, учиненныя большевиками надъ свободой собраній, слова, печати, надъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ мѣнѣе вредятъ дѣлу освобожденія Россіи, чѣмъ отреченіе отъ этихъ принциповъ демократіи, чѣмъ искаженія ихъ, добровольно и *bona fide* продѣланныя партией оппозиціи.

Нужно ли говорить о томъ, какую ненависть въ беспартиійныхъ и несоціалистическихъ кругахъ Россіи къ социализму мо-

жетъ вызвать зрѣлише социалистовъ, требующихъ свободы и права только для избранныхъ, слышащихъ только лязгъ собственныхъ пѣлей, когда кругомъ раздается звонъ цѣпей и скрежетъ зубовъный огромной, несоизмѣримо большей чѣмъ социалистическая, несоциалистической или антисоциалистической Россіи.

Каторжники, требующіе отъ жестокихъ надсмотрщиковъ большихъ правъ, желающіе стать привилегированными среди огромной, превосходящей ихъ массы другихъ каторжниковъ — **что можетъ быть убійственнѣе и печальнѣе для разрушенія этой каторги!**

Чѣмъ оправдываются эти притязанія? Когда въ прокламаціяхъ, выпущенныхъ меньшевиками, читаешь взволнованнымъ завѣренія, чуть ли не клятвы о томъ, что «с.-д. никогда не призвали къ возстанію противъ совѣтской власти», читаешь призывы: «товарищи, поддерживайте революціонный порядокъ», и совѣты рабочимъ «дѣйствовать не беспорядочными стачками, а организованнымъ проведеніемъ своихъ требованій черезъ совѣтскіе органы», т. е. жаловаться отдѣльнымъ пальцамъ на весь совѣтскій кулакъ; когда вновь и еще разъ Ц. К. заявляетъ, что «мы зовемъ рабочій классъ не свергать совѣтскую власть, а добиваться измѣненія ея: ошибочной и губительной для революціи политики», когда съ другой стороны органъ с.-д. спѣшитъ объявлять объ исключеніи изъ партіи отдѣльныхъ группъ с.-д., призывающихъ къ возстанію противъ большевиковъ, то весь этотъ букетъ скромности, лояльности и добропорядочности по отношенію къ палачамъ Россіи и растлителямъ социализма невольно просится въ рядъ съ этими требованіями свободы только для официально признанныхъ большевиками категорій населенія. Только эта Россія, остриженная подъ большевистскую гребенку, снимающую вмѣстѣ съ волосами и головы, Россія «социалистовъ», дѣйствительныхъ и ряженыхъ — только эта Россія живетъ въ морально-политическомъ сознаніи партіи, все еще именуемой себя демократической. И только для нея она требуетъ свободы и амнистіи.

IX.

Было бы однако ошибочно эту доляность, умѣренность и аккуратность партіи по отношенію къ большевистской узурпаціи объяснять узко эгоистическими мотивами политиковъ, желающихъ найти для себя сухое мѣстечко среди разливаннаго моря насилій, издѣвательствъ, затопляющихъ всю Россію. Наше моральное чувство можетъ быть задѣто самымъ глубочайшимъ образомъ тѣмъ политическимъ «октябризмомъ», каковымъ П. Аксельродъ характеризуетъ тактику с.-д. по отношенію къ большевикамъ. Но источники этой тактики — не моральнаго или анти-моральнаго порядка. Источники ея другіе — гораздо болѣе важные и гораздо болѣе опасные.

Нынѣшняя с.-д. партія отрицаетъ тактику революціонной борьбы съ большевизмомъ по цѣлому ряду соображеній, неизбежно обрекающихъ ее на ложное и двойственное положеніе. Она обречена на него также неотвратно, какъ и старый русскій либерализмъ, отрицавшій методы и тактику революціонной борьбы съ царизмомъ. Моментами это реформистское отношеніе къ самодержавію приводило либерализмъ къ возмущавшимъ моральное чувство словамъ, мыслямъ и поступкамъ. И тогда нынѣшніе реформисты или, пользуясь терминомъ П. Аксельрода, «октябристы» *) изъ соц.-дем. партіи умѣли достойнымъ образомъ клеймить эту умѣренность и аккуратность «оппозиціи Его Величества». Но, умѣя клеймить, они умѣли и объективно анализировать это явленіе. Они объясняли его соціальной близостью оппозиціи тѣмъ общественнымъ элементамъ, на которые опиралось самодержавіе. Трудно было ожидать рѣзкаго, революціоннаго отношенія къ самодержавію со стороны тѣхъ слоевъ общества, которые тысячью нитей соціальной связи были близки соціальной клиентэлѣ абсолютизма.

Это объясненіе было совершенно правильнымъ. Но это объясненіе и остается совершенно правильнымъ. Правильнымъ

*) См. Paul Axelrod «Observation sur la tactique des socialistes dans la lutte contre le bolchevisme» Paris 1921

для настоящаго. Какъ бы ни понимали нынѣшніе лидеры с.-д. гибельность новаго краснаго абсолютизма для страны и для класса, интересы котораго социаль-демократія защищаетъ (либерализмъ тоже понималъ гибельность чернаго абсолютизма), — они все же жертва социальной близости ихъ аудиторіи къ тѣмъ элементамъ, на какіе опирается большевистская узурпація. И это объясненіе, столь напоминающее печальной памяти умѣренный либерализмъ эпохи самодержавія, тактической линіи с.-д. партіи, то и дѣло иногда безъ всякой надобности страхивающей революціонный прахъ со своихъ ногъ безкончными завѣреніями о томъ, что «мы противъ возстанія — мы за реформы», завѣреніями, дѣлаемыми, какъ и въ старину, какъ разъ послѣ кровавыхъ усмиреній власти — это объясненіе принадлежитъ не намъ, а самимъ лидерамъ с.-д. «При социальномъ родствѣ тѣхъ слоевъ населенія, на которые опираются большевики и меньшевики, вооруженная борьба между ними неминуемо превратится въ братоубійственную войну внутри рабочаго класса». («Соц. Вѣстникъ» № 4. То же въ №№ 5 и 7). Мы ниже оцѣнимъ политическую состоятельность этихъ мотивовъ отказа отъ революціонной борьбы съ большевиками. Сейчасъ намъ важно только подчеркнуть тотъ элементъ социальной близости между оппозиціей и властью, который является однимъ изъ серьезныхъ препятствій къ превращенію оппозиціи въ революцію. Новый социалистическій либерализмъ находится подъ гнетомъ той же политической разслабленности, что и старый дворянскій либерализмъ и приблизительно по одинаковымъ же причинамъ. Съ этой точки зрѣнія намъ становится болѣе понятнымъ, почему лѣвыя группы с.-ровъ, опирающіяся не на пролетаріатъ, а на совершенно чуждое коммунизму крестьянство и свободныя такимъ образомъ отъ гнета социальной близости къ власти, являются по отношенію къ ней силой гораздо болѣе революціонной, чѣмъ с.-д., хотя и здѣсь не совсѣмъ освободились отъ теоретическихъ и тактическихъ соблазновъ, одолюющихъ социаль-демократію.

Существуетъ, однако, и помимо этихъ объективныхъ причинъ, обезсиляющихъ социаль-демократію въ борьбѣ съ боль-

шевиномъ, еще и рядъ причинъ, косящихъ болѣе субъективный характеръ. Важнѣйшая изъ нихъ — боязнь третьей силы. Въ борьбѣ противъ антибольшевистской революціи — эта боязнь играетъ доминирующую роль. Мы предпочитаемъ иллюстрировать эту сторону дѣла соображеніями П. Аксельрода, который какъ разъ не раздѣляетъ общаго отношенія къ большевикамъ руководителей с.-д. партіи, раздѣляя однако ихъ страхъ передъ торжествомъ третьей черной силы, буде рабочій классъ подниметъ возстаніе противъ большевиковъ. Въ выдержкахъ изъ письма П. Аксельрода, напечатаннаго съ большими сокращеніями въ «Соц. Вѣстникѣ» и съ меньшими — отдѣльной брошюрой на французскомъ языкѣ, мы читаемъ:

«Наше морально-политическое право на борьбу с большевиками всякими, хотя бы и военными средствами, являлось и является для меня пре посылкой, не требующей доказательствъ и вытекающей изъ того факта, что «советская» власть также мало, какъ царская, или даже еще меньше, способна добровольно отказаться отъ своего деспотическаго режима, и потому какъ и послѣдняя, осуждена на насильственное низверженіе. Но в то время, какъ движенія противъ царско-бюрократиче каго самодержавія, былъ и не могло быть ничемъ инымъ, какъ революционнымъ, в движеніи антибольшевистскомъ участвуютъ и элементы реакціонные. И при царизме враги существующаго режима распались на два лагеря: социалистическій и буржуазный. Но какъ далеко буржуазная оппозиція ни отставала отъ социалистическихъ партий, она все же была прогрессивна, и, в ш. рокомъ историческомъ смыслѣ, революціонна. Антибольшевистская же буржуазная оппозиція реакціонна и стремится использовать паденіе большевиковъ для водворенія диктатуры контр-революціи и для полнаго подавленія всей демократіи. Предупредить эту перспективу могло бы только самостоятельное широкое народное движеніе, которое сознательно направлялось бы къ решительной ликвидаціи большевистской диктатуры, хотя бы путемъ такой же или аналогичной оффензивы на «советскую» власть, какой низвергнута была царская власть. Но большевистскій режимъ поставилъ народные массы и социалистическую оппозицію в условия, безконечно болѣе тяжелые для развитія самостоятельнаго движенія в народныхъ низахъ и для подготовки ихъ къ победоносной атаке на существующую власть, чемъ царскій режимъ. Буржуазная же оппозиція, наоборотъ, оказалась в гораздо болѣе благоприятныхъ условияхъ, чемъ при старомъ режимѣ, для энергичной борьбы с существующей властью и для приобретения буржуазіей этой борьбы такой доминирующей роли, которая обезпечила бы ей полную победу надъ всей демократіей в моментъ паденія этой власти. И именно устремленіе: всехъ или главныхъ силъ социалистической оппозиціи на организацию вооруженныхъ востаній, на военные заговоры и т. п. неизбежно должно вести къ такому исходу антибольшевистскаго движенія».

Эта точка зрѣнія достаточно опредѣленная, хотя она не даетъ абсолютно никакого выхода изъ положенія, и самъ П. Ак-

сельродъ видить здѣсь «тупикъ». Но она чрезвычайно цѣнна тѣмъ, что въ отличіе отъ множества другихъ формулировокъ, данныхъ ей «Соц. Вѣстникомъ», она связана съ рѣшимъ, рѣшительнымъ по существу и крайне энергично выраженнымъ, абсолютнымъ отрицаніемъ «шайки черносотенцевъ и уголовныхъ преступниковъ» и «моральныхъ lumpenовъ».

И тѣмъ не менѣе выводъ тотъ же. Пробивъ революціоннымъ тараномъ щель въ твердынь большевистской власти, вы открое-те путь контръ-революціи и реакціи, которая влѣзетъ въ эту щель, выгонитъ васъ самихъ и утвердитъ свое владычество.

Отвѣчая политической замѣткой на полемическую замѣтку «Руля» по поводу отношенія с.-д. къ кронштадтскому возстанію въ частности и къ возстанію противъ большевизма вообще, «Соц. Вѣстникъ» писалъ: «мы заняли «инкриминируемую» намъ «Рулемъ» позицію... потому, что боимся, что братоубійственная война внутри пролетаріата можетъ настолько подорвать мощь послѣдняго, что русская революція станетъ легкой добычей... г. г. изъ «Руля» и ихъ друзей справа. А мы признаемся, по своей марксистской закоснѣлости, самую плохую революцію предпочитаемъ самой хорошей контръ-революціи... Это, конечно, дѣло вкуса, выбирать что лучше: революція въ качествѣ добычи «шайки черносотенцевъ и уголовныхъ преступниковъ», «моральныхъ lumpenовъ», или — революція въ качествѣ добычи «г. г. изъ Руля». Но въ приведенной выдержкѣ логика и психологія социаль-демократическаго октябризма выявлена достаточно выпукло. Такъ выпукло, что невольно вспоминаются тѣ. старые, октябристы, которые тоже предпочитали самую плохую реакцію самой хорошей революціи. И на томъ же основаніи: какъ бы въ брешь, пробитую атаками либерализма, не влѣзли демократы...

Это сравненіе, впрочемъ, нельзя что называется выставить «въ пику» «Соц. Вѣстнику», потому, что онъ самъ его въ нѣсколько смягченномъ видѣ приводитъ:

Публицистамъ «Руля» тѣмъ легче было бы, при желаніи, понять нашу позицію, что ихъ собственная партія въ свое время, борясь съ самодержавіемъ, тщательно избѣгала всякаго содѣйствія такимъ методамъ борьбы съ нимъ (какъ политическая забастовка), которые въ случаѣ успѣха грозили доставить въ освобожденной Россіи либо власть, либо рѣшающее влияние рабочему классу и социалистическимъ партіямъ.

Она, поэтому, предпочитала болѣе медленный даже путь ликвидаціи царизма болѣе быстрому, лишь бы первый сопровождался перемѣщеніемъ соотношенія борющихся противъ царизма силъ въ сторону имущихъ классовъ». («Соц. В.» № 9.).

Слѣдуетъ однако пожалѣть, что «Соц. Вѣстникъ» не продолжилъ нѣсколько нить своихъ сравненій. Чѣмъ отвѣчала революціонная демократія на это «предпочтеніе болѣе медленнаго пути ликвидаціи самодержавія болѣе быстрому»? Они отвѣчали приблизительно такъ: либералы во имя своихъ «узкихъ классовыхъ интересовъ» (подчеркивалось именно «узкіе», говорилось даже часто «плохо понятыхъ») готовы видѣть Россію распятой на крестѣ самодержавія, готовы продлить ея нечеловѣческія муки, готовы еще долго видѣть безконечныя страданія, голодь, вырожденіе народныхъ массъ, готовы мириться съ Держ... т. е. съ Треповыми, Хвостовыми, Минами и Столыпинными, готовы временами даже прямо поддерживать режимъ пытокъ, насилій, провокаціи, чрезв... т. е. охранки, лишь бы не доставить въ освобожденной Россіи вліянія трудящимся массамъ и пролетаріату. Короче говоря, ослабленіе борьбы противъ деспотизма изъ за желанія раздѣлить плоды побѣды съ другими классами, клеймилось какъ пособничество деспотизму и какъ предательство родины. И эту политику рекомендуютъ теперь намъ и эту политику проводить революціонная партія! Какой съ Божьей помощью поворотъ.

То поведеніе либерализма, которое «Соц. Вѣстникъ» рекомендуетъ теперь въ качествѣ образца для соц.-демократіи. имѣло роковыя послѣдствія какъ для самого либерализма. такъ и для Россіи. Отстранившись отъ активной революціонной борьбы съ самодержавіемъ, не довѣряя ей. опасаясь ея. дискредитируя ее такъ, какъ это дѣлаетъ нынѣ «Соц. Вѣстникъ». либерализмъ тѣмъ самымъ потерялъ всякое вліяніе въ моментъ революціоннаго перелома. оказался штабомъ безъ арміи, оставилъ безъ руководства средніе классы населенія и. неуравновѣшенная наличіемъ средней демократической партіи революціи, стихія покатила въ бездну социальна-политическаго максимализма, потянувъ туда всю Россію. Нѣтъ ли здѣсь грознаго предостереженія и для новаго социаль-демократическаго изданія

либерализма? Если правъ П. Аксельродъ, что «совѣтская власть также мало, какъ и царская, или даже еще меньше (курсивъ вашъ) способна добровольно отказаться отъ своего деспотическаго рѣжима и потому, какъ и послѣдняя, осуждена на насильственное низверженіе» и если не правъ «Соц. Вѣстникъ», видящій «наличность объективной возможности мирной эволюціи» (№ 5), то партія, сопротивляющаяся неизбежному ходу событій, потеряетъ всякую возможность не только ими управлять, но даже воспользоваться ими въ интересахъ защищаемыхъ ею массъ. Здѣсь умѣстно вспомнить предостереженіе, уже выше нами приведенное: «Если этого не сдѣлаютъ революціонныя силы, за нихъ это сдѣлаютъ силы реакціи». И поэтому есть только одинъ способъ борьбы съ реакціонною опасностью: стать во главѣ народной революціи противъ совѣтскаго строя. Партіямъ, опасаящимся сверженія большевизма правыми руками, остается только одно: приложить къ этому дѣлу лѣвыя руки. Какъ дряблость буржуазной оппозиціи во время стараго самодержавія перемѣщала центръ борьбы въ сторону красной сотни, такъ дряблость социалистической оппозиціи во время новаго самодержавія перемѣщаетъ центръ борьбы въ сторону черной сотни.

Х.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что социалистическій либерализмъ, какъ сестра Беатриса, извѣдавъ соблазны и паденія, вернется вновь къ старымъ алтарямъ и «завѣтамъ», какъ вернулся къ нимъ въ одной своей части буржуазный либерализмъ. Но мы боимся, что онъ вернется также поздно. Потому что на пути къ нимъ стоитъ одно серьезное морально-политическое препятствіе.

Это «братоубійство». Идея отверженія «братоубійства» вовсе не новая, специально по случаю борьбы съ большевизмомъ, явившаяся идея. Тотъ, кто помнитъ еще циммервальдистскія и кіентальскія настроенія, тотъ, кто привыкъ въ сухомъ переплетѣ стрыхъ теорій разворачивать волнующія страницы мораль-

но-психологических проблем — тот поймет некоторое глубокое сходство между прежним «неприятель» войны и нынешним «неприятель» революции. Недаром вопрос о революции разделил социалистов приблизительно по тем же линиям, как и вопрос о войне.

Но как тогда, так и теперь, — всякий, ставящий вопрос о «братоубийствѣ», должен сразу же ставить вопрос о **человѣкоубийствѣ**. Если только брат брату — брат, а человек человеку — не брат — тогда вообще рушится всякая основа для моральных оценок. С точки зрения той моральной тревоги, которая незамѣтно кроется в этих то и дѣло всплывающих разговорах о «братоубийственной войнѣ среди пролетариата» революція 1905 г. и вообще всѣ революціи против старых режимов были гораздо болѣе братоубийственными и гораздо, стало быть, менѣе допустимыми, чѣм революція против новаго режима большевиковъ. Ибо тѣ революціи шли против режимовъ, существовавших сотни лѣтъ и защитники ихъ, против которых революція выступила съ оружіемъ въ рукахъ, являлись менѣе ответственными за режимъ не ими, а ихъ правдѣдами созданный, чѣм защитники узурпаціи, существующей всего 4 года, явившіяся и ея создателями.

Если же съ вопроса о братоубийствѣ снимается моральный покровъ и остается только опасеніе социальной и психологической дезорганизации того класса, внутри котораго разгорѣлась гражданская война, то эта социальная и психологическая дезорганизация класса гораздо гибельнѣе, когда брат нападает на брата, а не тогда, когда брат защищается отъ брата. Революція противъ большевизма есть оборона отъ братоубийства. Въ минувшую войну ужасъ братоубийства въ средѣ мирового пролетариата заключался въ гораздо болѣе мѣрѣ въ томъ, что германскій братъ напалъ на французскаго, бельгійскаго, русскаго т. д., чѣмъ въ томъ, что французскій, бельгійскій и русскій отъ нападенія защищались. Кіентальпы и циммервальдисты впрочемъ не хотѣли видѣть, кто былъ нападающей стороной. Допустимъ, что они были правы. Но неужели и теперь они не

желаютъ видѣть, кто нападаетъ и въ самомъ дѣлѣ не видятъ, что нападающей стороной является большевистскій... братъ?

Политики, не желавшіе стать оборонцами въ прежней международной войнѣ, не желаютъ ими стать и въ нынѣшней гражданской войнѣ. Однако соц.-демократы стали очень горячими оборонцами во время войны Совденія съ Польшей. Совѣзмъ въ духѣ либеральнаго пріятія войны, когда умѣренные круги сплотились вокругъ самодержавія и сознательно ослабили или даже приостановили свою борьбу съ нимъ, соц.-дем. партія сплотилась вокругъ большевизма и ослабила свою и безъ того не очень интенсивную съ нимъ борьбу. Они забыли, что шло братоубійство, жестокое и звѣрское, между русскими и польскими рабочими и дѣлали все, чтобы побольше было убито польскихъ братьевъ и меньше русскихъ. Не безъ гордости «Соц. Вѣстникъ» подчеркиваетъ заслуги с.-д. партіи передъ «соціалистическимъ отечествомъ», когда ему извѣтъ грозила опасность.

Какой роковой параллелизмъ между умѣреннымъ либерализмомъ эпохи самодержавія и... неумѣреннымъ либерализмомъ эпохи комиссародержавія! И тотъ и этотъ не хотѣли революціи противъ деспотизма, и тотъ и этотъ не могли свое оборончество согласовать съ задачами освобожденія родины и тотъ и этотъ **вольно и невольно становились защитниками деспотическаго правительства.** И послѣ всего этого, послѣ благословенія со стороны патентованныхъ интернаціоналистовъ братоубійства въ дѣлѣ защиты территоріи — политики эти находятъ еще моральный паюсъ для отверженія братоубійства въ дѣлѣ защиты свободы...

Противники «бургфридена» для странъ парламентаризма и свободно развивающихся демократій и социализма и сторонники «бургфридена» для страны, въ которой демократія и социализмъ **убиты, опозорены, обезчещены, залиты кровью и грязью «шайкой черносотенцевъ и уголовныхъ преступниковъ».** Гадъ совершилъ тяжкій грѣхъ передъ социализмомъ, поддержавъ правительство демократической республики. Мартовъ совершилъ великій подвигъ социализма, поддержавъ правительство крѣпостнической военно-бюрократической олигархіи....

Какое жестокое извращение социализма и демократии! Какое низкое падение партии, вписавшей в историю демократии и социализма яркие страницы!

Будет день, когда большевизм падет. Будет день, когда поднимется социаль-демократия. Первый падет и вторая поднимется в результате двух революций: одной — политической, другой — партийной. Мы чувствуем нарастание сил первой. Если бы знать, что это происходит и со второй...

Ст. Ивановичь.

